

ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНСОЛИДАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10

EDN: XQEVZG

Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в контексте геополитического конфликта

Ссылка для цитирования: Седова Н. Н. Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в контексте геополитического конфликта // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 176–198. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10; EDN: XQEVZG.

For citation: Sedova N. N. Features of Transformation of Worldview Attitudes among Russian Youth in the Context of Geopolitical Conflict. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 176–198. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10; EDN: XQEVZG.

Седова Наталья Николаевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

nnsedova@inbox.ru

AuthorID ПИНЦ: 140285

Аннотация. На данных общероссийских опросов 2006–2023 гг. показана специфика трансформации мировоззрения российской молодежи 18–24 лет по сравнению с населением в целом, складывающаяся в условиях глобального противостояния России и коллективного Запада. Анализ строится вокруг противостояния двух мировоззренческих позиций: сторонников западноориентированного пути развития России и сторонников цивилизационного суверенитета, самобытного пути развития страны. Рассматриваются три группы показателей: (1) *представления о пути развития страны и ее места в мире* (индикаторы: представления о необходимости и приоритетах перемен в стране; представления о том, какое место в мире должна занимать Россия; оценка пути, по которому идет Россия), (2) *представления об общественном устройстве* (представления об идеальной модели взаимоотношений человека, государства, общества; о желаемом образе России будущего), (3) *смыслжизненные ценности и установки* (представления о приоритете интересов человека или интересов общества; о том, как нужно и можно действовать для достижения своих целей).

Делается вывод, что новый этап общественных трансформаций в России, стартовавший с началом СВО на Украине в феврале 2022 г., стал серьезнейшим вызовом для российского общества в целом, но особенно чувствительным к нему оказалась молодежь 18–24 лет. Основной вектор событий, связанный с резким усилением конфронтации России и Запада, вошел в противоречие с мировоззренческими представлениями молодежи, значительная часть которой была ориентирована на развитие страны по модели современного

западного общества, либерально-демократические основы государственного устройства, возможность строить жизненные стратегии в трансграничной среде. Однако, по данным 2023 г., точка возможной бифуркации в умонастроениях молодежи пройдена, наметившийся отрыв установок 18–24-летних россиян от общего вектора динамики настроений в обществе в целом стал сокращаться, запрос на перемены находится в самой низкой своей точке, уровень доверия к ключевым представителям власти на уровне или ниже соответствующих показателей по населению в целом. Скорее, можно говорить о более сложных процессах адаптации молодежи 18–24 лет к сложившейся ситуации, поиска ею компромиссов между ранее воспринятыми установками и меняющейся реальностью.

Ключевые слова: молодежь, мировоззрение, ценности, установки, нормы, интересы, западники, славянофилы, Запад, противостояние, перемены, традиции, запрос, будущее, образ будущего, права человека

Особенности трансформации мировоззренческих установок молодежи в контексте геополитического конфликта России и Запада

Молодежная проблематика традиционно является предметом активного изучения со стороны социальных исследователей, в последние годы этот интерес еще больше усилился. Различные стороны жизни молодежи, специфику умонастроений и поведения отдельных ее групп и слоев анализирует целый ряд научных центров, исследовательских групп, лабораторий. Работы С. Б. Абрамовой, Н. Л. Антоновой, Н. М. Великой, М. К. Горшкова, Ю. А. Зубок, Г. А. Ключарева, Д. Л. Константиновского, В. В. Петухова, В. В. Поляковой, В. В. Радаева, Д. В. Руденкина, В. И. Чупрова, Ф. Э. Шереги, И. С. Шушпановой и многих других исследователей обогатили эту область знаний анализом трансформации ценностей, норм и поведенческих практик молодежи, обширным пулом эмпирических данных, отражающих эти процессы. Однако изменения в социально-политической и экономической ситуации в России и мире в целом, резко усилившиеся с февраля 2022 г. в связи с началом СВО, оказали большое влияние на процесс трансформации мировоззренческих установок молодежи, изучению которого и посвящена данная статья.

Анализ проблематики трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в современных условиях строится вокруг противоречий между сторонниками западноориентированного пути развития России, с одной стороны, и теми, кто выступает за цивилизационный суверенитет страны – с другой. Противостояние сторонников западного или самобытного российского пути развития, то стихая, то усиливаясь в различные периоды жизни страны, остается важнейшей характеристикой мировоззренческой карты российского общественного сознания и дает ключ к изучению многих его явлений и состояний. Характеризуя объяснительный потенциал дихотомии взглядов сторонников западного или

самобытного российского пути развития, Н. Тихонова обращает внимание на работы в сфере анализа социокультурных предпосылок модернизации российских регионов [3], исследования норм и ценностей, регулирующих отношения человека и государства [13; 14], сравнительного анализа ценностей россиян и норм и ценностей представителей стран Западной и Восточной Европы, а также Китая [8], при анализе разных типов нормативно-ценностных систем в России и в других странах [4; 5; 7; 9].

В данной статье рассмотрены три группы показателей, характеризующих особенности мировоззренческих установок россиян, каждая из которых включает индикаторы, фиксирующие склонность респондентов к одной из двух мировоззренческих традиций: (1) *представления о пути развития страны и ее места в мире* (в качестве индикаторов выступают представления о необходимости и приоритетах перемен в стране; представления о том, какое место в мире должна занимать Россия; оценка верности пути, по которому идет Россия), (2) *представления об общественном устройстве* (установки, описывающие нормативное восприятие россиянами идеальной модели взаимоотношений человека, государства, общества; представления о желаемом образе России будущего), (3) *смысложизненные ценности и установки* (представления о том, что важнее, интересы человека или интересы общества; о том, как нужно и можно действовать для достижения своих целей). В анализе мировоззренческих установок молодежи мы опираемся на эмпирическую базу, полученную в ходе многолетних общероссийских исследований¹ Института социологии (ФНИСЦ РАН).

В связи с началом в 2022 г. специальной военной операции на Украине, в условиях геополитического кризиса и резкого обострения отношений между Россией и коллективным Западом, противостояние между сторонниками самобытного или западного векторов развития страны внутри самой России усилилось, получая новое политическое, идеологическое, экономическое, социальное прочтение. Россияне в массе своей всегда отмечали разницу «культурных кодов» в России и странах условного Запада, особенно в последние годы [1; 2; 11; 12]. В связи же с новым витком напряженности в отношениях, рефлексия разницы «культурных кодов» усиливается. Наиболее сложные и противоречивые процессы трансформации мировоззренческих установок идут среди молодежи, которая и выбрана в качестве объекта исследования. Ключевая особенность данной социальной группы, определяющая специфику трансформации мировоззренческих ориентаций ее представителей, связана с тем, что молодежь находится на определенном этапе жизненного цикла, она традиционно характеризуется скачкообразным развитием чувств, воли и интеллекта, амбивалентностью личностных характеристик, живет, по оценке Ш. Бюлер, «сильным психическим бытием» [16]. То есть установки представителей данной группы по сравнению с остальным населением гибки, подвижны, более подвержены влиянию меняющихся обстоятельств.

¹ Общероссийские опросы методом личных (face-to-face) интервью с выборками от 2000 до 4000 респондентов, репрезентирующими население Российской Федерации в возрасте от 18 лет и старше в соответствии с половозрастной структурой населения согласно данным Росстат.

Возрастные границы изучаемой группы определены нами как 18–24 года. Ш. Бюллер определяла возрастную границу юности от 17 до 24 лет. Современные эмпирические данные подтверждают актуальность этого подхода, выявляя специфику установок, норм и ценностей представителей молодежи до 24 лет по сравнению с другими возрастными группами. Нижнюю же возрастную границу группы мы определяем на уровне 18 лет, что обусловлено юридически установленным возрастом совершеннолетия (полной дееспособности), а также тем, что массовые опросы, на данные которых мы опираемся, проводятся преимущественно среди взрослого населения, т. е. среди россиян 18 лет и старше.

Наш анализ, в том числе, развивает подход В. В. Петухова, который при изучении динамики мировоззрений российской молодежи отталкивался от динамики ее запроса на перемены в стране или на стабильность. В своей работе «Российская молодежь и ее роль в трансформации общества» [10], он отмечал растущий запрос общества на перемены, который особенно выражен был именно среди молодежи. Опираясь на данные исследований Института социологии 2014–2019 гг., В. В. Петухов констатировал формирование на рубеже 2016–2017 гг. и дальнейшее развитие в обществе запроса на перемены, по его наблюдениям, доля населения, транслировавшего данный запрос, с минимальных 39% в 2016 г. выросла до пикового значения 57% в 2019 г. За этот же период доля молодежи 18–24 лет с аналогичными установками выросла с 51% до 75% [10, с. 124].

Имея возможность проанализировать динамику запроса на перемены в более длинной ретроспективе (2006–2023 гг., рис. 1), можно дополнить наблюдения В. В. Петухова и сделать вывод о волнообразном характере динамики запроса населения на перемены в стране, когда периоды его повышения сменяются периодами усиления противоположного запроса – на стабильность. Так, отмеченный выше пик запроса на перемены, пришедшийся на 2019 г., ознаменовал очередную смену тренда и дальнейшее снижение доли россиян, высказывающихся за перемены в стране, вплоть до минимального за весь период наблюдений значения (38% в 2023 г.), с одновременным усилением запроса на стабильность (до 62% в 2023 г.).

На протяжении всего периода наблюдений с 2008 г. молодежь действительно отличалась усиленным запросом на перемены по сравнению с населением в целом. Но, что характерно, наиболее велик этот отрыв был не в периоды, когда ситуация в обществе менялась и новая тенденция начинала развиваться, а когда тот или иной тренд (на стабильность или на перемены) уже находился в активной фазе развития, подходил к своему пику, незадолго до слома вектора. То есть пик фиксировался не в начале жизненного цикла тренда, отраженного в данных опросов общественного мнения, а к моменту наиболее активной его фазы или к моменту его угасания.

Рис. 1. Динамика выбора в паре альтернативных суждений, отражающих установки на перемены или стабильность в стране; среди респондентов, представляющих население в целом, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %¹

Figure 1. Dynamics of choice in paired alternative judgments reflecting attitudes toward change or stability in the country among respondents representing the general population, IS FCTAS RAS, 2023, %

Примечание. До 2015 г. включительно использовались формулировки: «Мне нравятся перемены, жизнь в меняющемся обществе», «Все перемены к худшему, пусть лучше жизнь остается такой же, как и прежде»

Причем в моменты, когда в целом в обществе запрос на перемены минимален, установки молодежи становятся приближенными к установкам населения в целом. Так, в 2023 г., на спаде запроса на перемены и при развитии тренда на стабильность, разрыв между установками на перемены среди молодежи 18–24 лет и населением в целом был самым низким за весь период наблюдений (6 п.п.). На те же 6 п.п. отличались и доли респондентов, нацеленных на стабильность, составившие большинство представителей молодежи и населения в целом (56 и 62%, соответственно). Сходная картина минимизации разрыва наблюдалась и с 2016 г., когда запрос на перемены был в очередной «яме» (рис. 2).

Иначе говоря, молодежь скорее встраивается в общий актуальный тренд на перемены или на стабильность, который уже существует, проявлен и развивается в обществе, подхватывает его, нежели является основным его драйвером; скорее следует тренду, нежели задает его.

¹ Здесь и далее, если не оговорено иное, не приводятся данные по доле затруднившихся с ответом респондентов.

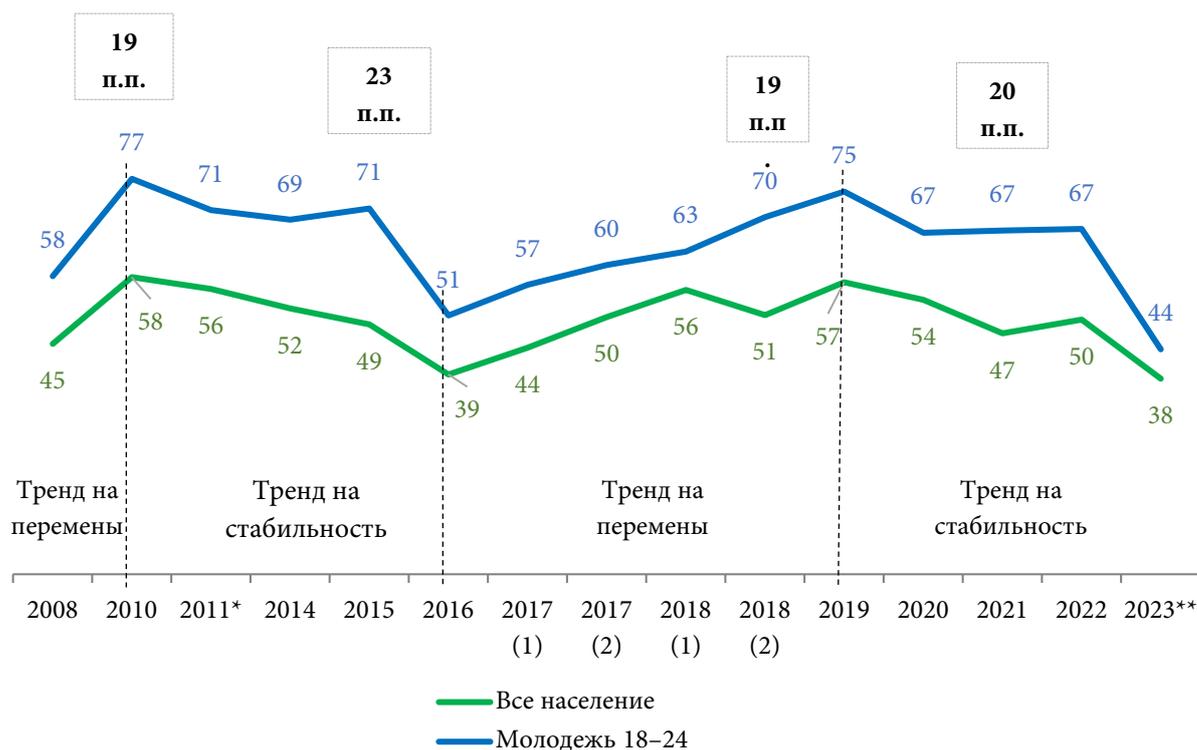

Рис. 2. Динамика запроса на перемены среди молодежи 18–24 лет и населения в целом (суждение «Страна нуждается в существенных переменах»); ИС ФНИСЦ РАН, 2008–2023 гг., %.

Дополнительно приведены величины максимальных разрывов показателей между молодежью и населением в целом, п. п.

Figure 2. Dynamics of demand for changes among youth aged 18–24 and the general population (judgment “The country needs significant changes”); IS FCTAS RAS, 2008–2023, %. Additionally, the magnitudes of maximum gaps between youth and the general population are provided, p. p.

Вопрос о том, можно ли трактовать подобное сближение установок молодежи и населения в целом, отмеченное в 2023 г., как расширение пространства общественной консолидации или же за этим стоят какие-то другие факторы, связан в значительной степени с тем, какие смыслы в понятие «перемены» вкладывают представители тех или иных групп. По данным ранее проведенных исследований (2018 г.) наиболее выраженные отличия в определении главных приоритетов для желательных перемен в стране между молодежью и населением отмечались в отношении к степени вмешательства государства в экономику (молодежь 18–24 лет не в большинстве, но на 13 п.п. чаще, чем население в целом, выступала за отказ от государственного вмешательства в экономику) и по вопросу о противостоянии России с Западом (большинство молодежи выступало за преодоление острой конфронтации с Западом, при этом доля сторонников такой точки зрения было на 12 п.п. выше, чем по населению в целом, табл. 1). Третье направление перемен, в отношении которого взгляды молодежи имели некоторые отличия от позиции населения в целом – отношение к властной вертикали (среди молодежи баланс оценок был с небольшим перевесом в пользу децентрализации власти, тогда как среди населения в целом – в пользу укрепления централизованной власти; отличие на 8–11 п.п.).

Нельзя сказать, что указанные отличия носили радикальный характер, но видение молодежью желаемых для страны перемен сильнее, чем среди населения в целом, тяготело к либерально-демократическим характеристикам.

Таблица 1 (Table 1)

Выбор в парах альтернативных суждений относительно приоритетов для осуществления перемен в стране среди молодежи 18–24 лет и населения в целом, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., %¹

Choice in paired alternative judgments regarding priorities for implementing changes in the country among youth aged 18–24 and the general population, IS FCTAS RAS, 2018, %

Какие Вы видите приоритеты для осуществления желательных для страны перемен?	Возраст, лет		Население в целом	Отклонение показателя в группе 18–24 от населения в целом (по модулю)
	18–24	25–29		
Усиление контроля государства над экономикой, развитие государственного планирования	56	59	69	13
Отказ от государственного вмешательства в экономику, развитие свободного рынка	44	41	31	13
Преодоление острой конфронтации с Западом	66	55	54	12
Противостояние Западу, отстаивание независимости России при опоре на собственные силы	34	45	46	12
Укрепление централизованной власти, властной вертикали	49	55	57	8
Децентрализация власти, расширение прав региональных и муниципальных органов власти	52	45	44	8
Повышение открытости органов власти, увеличение возможностей для влияния граждан на принятие важных государственных решений	71	68	68	3
Ограждение органов власти от некомпетентного влияния бизнеса, политических и общественных организаций и отдельных граждан	29	32	32	3
Расширение государством социальных гарантий граждан	71	72	76	5
Стимулирование личной ответственности, защита государством только социально уязвимых слоев населения	29	28	24	5
Обеспечение политических свобод, честных выборов, права на митинги и демонстрации	83	84	83	0
Временное ограничение в целях обеспечения стабильности в обществе политических прав и свобод граждан	17	16	17	0

¹ Здесь и далее в таблицах цветом выделены данные, иллюстрирующие наиболее значимые отличия показателей среди молодежи от населения в целом.

Инструментарий исследования 2023 г. не включал прямого вопроса о приоритетах для перемен, однако прояснить установки, связанные с желаемыми векторами перемен, помогают вопросы, связанные с видением респондентами образа будущего страны и идеальной модели общественного устройства.

Так, Россию будущего молодежь чаще, чем население в целом, хотела бы видеть страной, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности (46% при 35% по населению в целом). Причем для молодежи среди всего набора характеристик образа будущего страны именно эта характеристика является наиболее популярной (среди населения в целом она на 3-ем месте). Также представители молодежи чаще выступают за активное партнерство России с Западом, за свободный рынок, за минимизацию вмешательства государства в экономику (по 19% при 8–11% среди населения в целом). И, напротив, в желаемом будущем России молодежь реже, по сравнению с населением в целом, хотела бы видеть возврат страны к национальным традициям (5-ое место при 1-ом по населению в целом), сильную жесткую власть, способную обеспечить порядок.

Менее выражены отличия между молодежью и остальным населением в восприятии образа будущего России как страны, где реализуется принцип социальной справедливости (это наиболее сильный консенсусный образ будущего страны: отличия в восприятии 5 п.п., 1-е место среди населения и 2-е среди молодежи) и где Россия – это страна в первую очередь для русских (0 п.п., табл. 2).

Важно обратить внимание на динамику в установках по данному вопросу как в обществе в целом, так и среди молодежи, прежде всего, в отношении значимости для России будущего такой составляющей как права человека и демократия (рис. 3). В марте 2022 г., т. е. спустя месяц после начала СВО на Украине, доля россиян, которые хотели бы видеть Россию страной, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности, составила 39% (по сравнению с 27% в 2014 г.), затем к лету 2023 г. немного сократилась (до 35%). Примерно так же складывалась динамика отношения к перспективе развития свободного рынка и частной собственности, минимизации вмешательства государства в экономику (всплеск до 21%, затем снижение до 11%). Более сглаженная тенденция (сначала небольшого роста, а затем снижения показателя) характерна и для установок на сближение с Западом. Примечательно, что хотя доля россиян, разделяющих данную установку, составляла весной 2023 г. только 8%, внутри себя эта группа обладает наиболее сильным запросом на перемены (56% при 31–44% в группах с другими приоритетами в видении будущего страны).

Динамический «рисунок» либерально-демократических и прозападных установок молодежи 18–24 лет в эти периоды в целом совпадал с «рисунок» по населению в целом, однако величины всплесков показателей здесь еще выше, особенно в отношении видения будущего России как страны, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности (+21 п.п., при +12 п.п. по населению в целом), и как страны, находящейся в партнерских отношениях с Западом (+18 п.п., при +3 п.п. по населению). Очевидно, что в 2022 г. определенная часть молодежи, примеривая к себе либерально-демократические установки и ценности,

реагировала на резкое ухудшение отношений России с Западом столь же резкой актуализацией соответствующего запроса. Год спустя этот запрос стал ослабевать, однако в части прав человека и демократии, а также партнерства с Западом в 2023 г. он был выше, чем в 2014 г. (на 9 и 5 п.п., соответственно).

Таблица 2 (Table 2)

Какой хотели бы видеть Россию будущего представители различных возрастных групп и население в целом (можно было дать не более трех ответов, упорядочено по величине и знаку отклонения показателей среди молодежи 18–24 лет от показателей по населению в целом), ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %

How representatives of different age groups and the population in general would like to see the future Russia (up to three answers were possible, ordered by the magnitude and sign of the deviation of indicators among youth aged 18–24 from the indicators for the population as a whole), IS FCTAS RAS, 2023, %

Какой Вы хотели бы видеть Россию будущего?	Возраст, лет							Население в целом	Отклонение показателя в группе 18–24 от населения в целом (по модулю)
	18–24	25–29	30–35	36–44	45–54	55–65	66+		
Страной – активным партнером Запада, современных развитых стран	19	9	6	8	7	7	7	8	11
Страной, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности	46	46	41	30	36	34	30	35	11
Страной, в которой обеспечиваются свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	19	13	14	12	9	7	9	11	8
Страной, в первую очередь, для русских, то есть русским национальным государством	11	9	8	9	13	14	13	11	0
Страной, где обеспечивается социальная справедливость	40	43	40	39	48	52	49	45	5
Страной, в которой ограничиваются социальные неравенства и социальное расслоение	8	19	8	14	11	17	18	14	6
Великой державой мира	26	27	34	33	35	33	35	33	7
Страной, в которой существует сильная власть, обеспечивающая в ней порядок и развитие	22	32	31	35	34	31	35	33	10
Страной, сохранившей национальные традиции, моральные и религиозные ценности	21	40	40	35	38	41	43	38	17

Обратим внимание на еще одну особенность, связанную с реакцией на ситуацию уже другой группы молодежи – в возрасте 25–29 лет. Если в отношении идейно и политически окрашенных характеристик образа будущего России (демократии и партнерства с Западом) динамика показателей в этой группе ближе к реакции населения в целом, то в отношении «экономического измерения» будущего страны (свободного рынка) ее реакция ближе к реакции 18–24-летних. По всей видимости, это связано с жизненным этапом молодежи 25–29 лет, уже вписавшей в контекст свободного рынка свои ключевые жизненные стратегии (профессионального развития, построения карьеры, выхода на финансовую самостоятельность) и заинтересованной в сохранении этого контекста. События 2022 г., вероятно, были поначалу восприняты частью этой группы как риск для собственных жизненных планов, что повысило запрос на свободный рынок (через год актуальность этого запроса снизилась, приблизившись к средним по населению значениям).

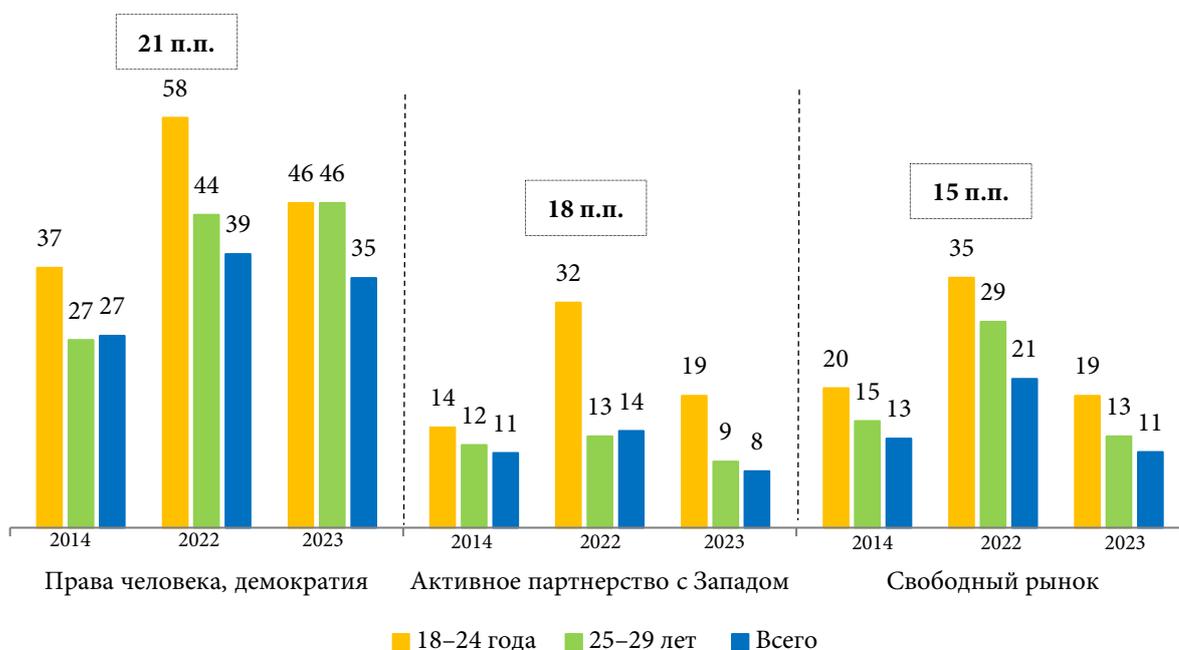

Рис. 3. Динамика восприятия отдельных характеристик образа России будущего среди молодежи 18–24 лет, 25–29 лет и населения в целом; ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %. Дополнительно приведены величины подъема показателей в 2022 г. по сравнению с 2014 г. в группе молодежи 18–24 лет, п.п.

Figure 3. Dynamics of perception of individual characteristics of the image of the future Russia among youth aged 18–24, 25–29, and the population in general; IS FCTAS RAS, 2014–2023, %. Additionally, the increases in indicators in 2022 compared to 2014 in the 18–24 age group are provided, pp.

Рассмотрим теперь другую группу характеристик образа будущего России, в отношении которых вектор и интенсивность динамики установок молодежи носит иной характер: сильная власть и сохранение национальных традиций (рис. 4).

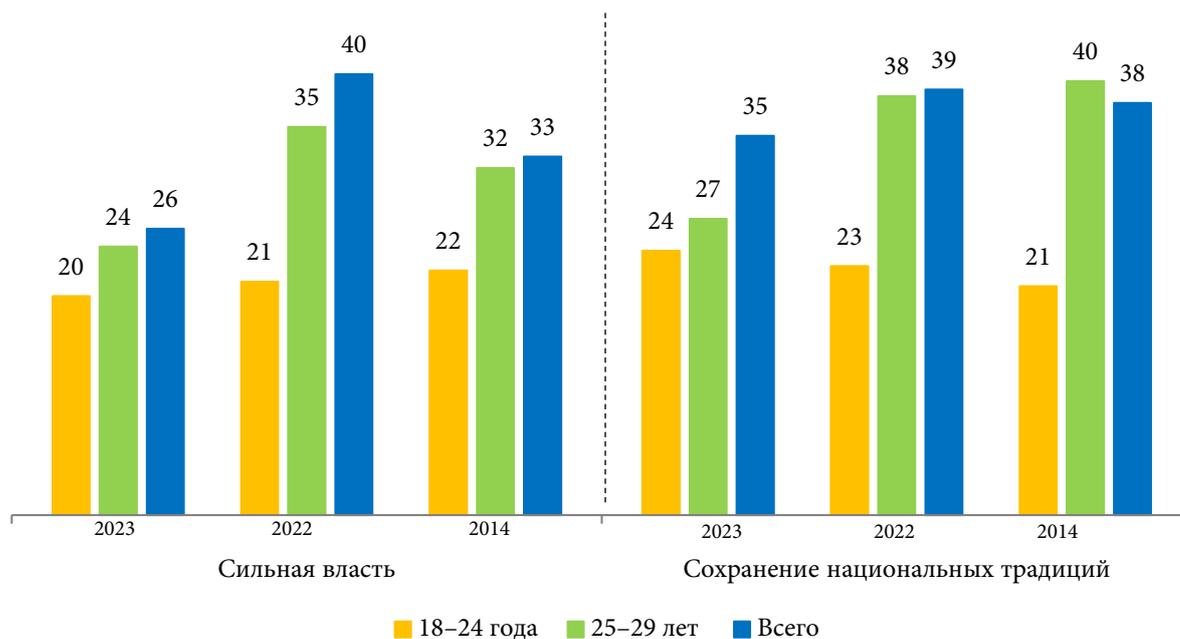

Рис. 4. Динамика восприятия отдельных характеристик образа России будущего среди молодежи 18–24 лет, 25–29 лет и населения в целом; ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %

Figure 4. Dynamics of perception of individual characteristics of the image of the future Russia among youth aged 18–24, 25–29, and the population in general; IS FCTAS RAS, 2014–2023, %

Если среди населения в целом установки на сильную власть в 2022 г. существенно выросли (с 26% до 40%), то среди молодежи 18–24 лет данный показатель практически не изменился (сохраняясь на уровне 20–22%) – ситуация в стране не воспринималась молодежью в контексте рисков для страны и ее будущего, требующих усиления власти на внутреннем контуре, возможностей по обеспечению внутреннего порядка и развития. В отношении к национальным традициям установки молодежи 18–24 лет и населения в целом менялись незначительно: у первых снижались, у вторых повышались (+3 и -3 п.п. за весь период, соответственно).

Однако в отношении этих же характеристик образа будущего России выраженной спецификой отличается более старшая молодежь, в возрасте 25–29 лет. Если в 2014 г. ее позиция близка к позиции 18–24-летних, то к 2023 картина заметно поменялась: доля тех, кто хотел бы, чтобы в России будущего сохранялись национальные традиции, выросла с 24% до 40%, превысив соответствующий показатель по населению в целом. В итоге разрыв в установках самой младшей и следующей за ней возрастной группой стал в 2023 г. практически двукратным; если в 2014 г. показатели в этих соседних возрастных группах отличались на 3 п.п., то в 2023 г. уже на 19 п.п. Сходная, хотя и несколько менее выраженная тенденция, фиксируется в отношении 25–29-летних к вопросу о сильной власти как характеристике образа России будущего; здесь их позиции в 2022–2023 гг. также сблизилась с позицией населения в целом.

Таким образом, молодежь, находящаяся на разных стадиях жизненного цикла, в ситуации общественно-политической турбулентности, демонстрирует различные мировоззренческие треки. 25–29-летние, уже вступившие полноценно во взрослую жизнь, создающие собственные семьи, принимающие на себя ответственность по отношению к работодателям, супругам, детям, в ситуации мощных общественно-политических вызовов ищут опору в национальных традициях, моральных и религиозных ценностях, а также в сильной государственной власти. 18–24-летние же в ситуации вызовов не обнаруживают особой ценности в традициях или в сильной власти. В результате дистанция молодежи 18–24 лет от остального общества углубляется не только за счет ее большей привязанности к либерально-демократическим установкам, но и в результате того, что актуализируемые в остальном обществе установки консервативного толка не находят у многих из них отклика.

Важнейшей частью изучения динамики мировоззренческих установок молодежи и россиян в целом является анализ их нормативных представлений об идеальной модели соотношения интересов отдельного человека (индивида), общества и государства. Инструментарий исследований ФНИСЦ РАН включает систему индикаторов, отражающих такую модель. Это набор из 10 суждений, в отношении которых респонденты могут выразить свое согласие или несогласие (рис. 5). Наиболее консолидированной по данным исследования 2023 г. является позиция россиян по вопросу о праве каждого человека отстаивать свою точку зрения, даже если большинство придерживается иной (86%). Несмотря на то, что период с начала СВО на Украине характеризовался высочайшим уровнем накала политических дискуссий в российском обществе и ужесточением цензуры в отношении публичных высказываний (а отчасти, возможно, и благодаря этому), актуальность такого права осталась на прежнем высоком уровне. С этой, наиболее популярной установкой, перекликается еще одна, раскрывающая ее частный случай – что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций. Ее также поддержало большинство россиян, хотя и не столь масштабное (63%). Довольно высоким консолидационным потенциалом характеризуются еще несколько нормативных установок, которых придерживались в 2023 г. большинство россиян (от 63 до 73% в зависимости от конкретной установки) – согласие с необходимостью национализировать предприятия, наносящие ущерб государству, ограничивать свободу СМИ и блогеров, нарушающих интересы государства; а также видение в оппозиции не критика, а помощника правительства, признание ценностей индивидуализма, либерализма и западной демократии неподходящими для России, которой, напротив, важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство.

Около трети россиян (от 27 до 37%) придерживались тех или иных установок, которые свойственны либерально-демократическому взгляду на отношения человека, общества и государства. Это меньшинство было численно стабильно на протяжении 2022–2023 г., несмотря на высочайшую турбулентность общественных настроений в этот период.

О неконсистентности позиций россиян внутри этих двух нормативных подходов (условно этатистско-державного и либерально-демократического) говорят разделившиеся мнения, связанные с отношением к роли закона в жизни общества: о допустимости прямого влияния правительства на правосудие ради интересов государства, о приоритете закона или соображений справедливости. Не сложилось также единого мнения по вопросу о допустимости насилия, если нарушается справедливость, а также о необходимости поддержки человеком своей страны, даже если она не права.

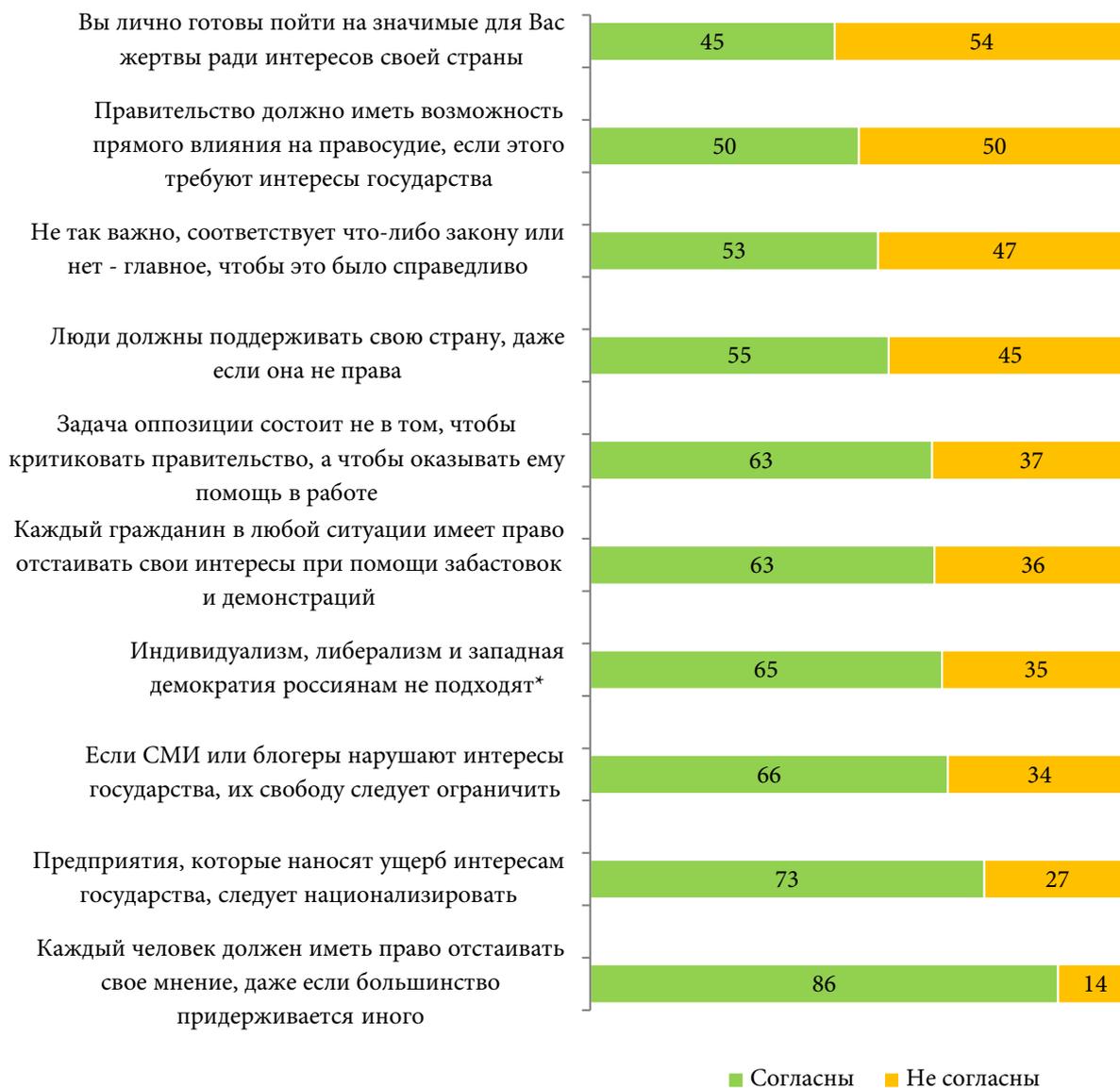

Рис. 5. Распространенность некоторых установок, описывающих нормативное восприятие россиянами идеальной модели общественного устройства, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %

Figure 5. The prevalence of certain attitudes describing the normative perception by Russians of an ideal model of societal structure; IS FCTAS RAS, 2023, %

Примечание. *Полная формулировка: «Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые нам, россиянам, не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство».

Для анализа нормативных установок, характеризующих восприятие россиянами отношений «человек – общество – государство», в разрезе возрастных групп, а также для анализа их связи с некоторыми другими

установками, респонденты были распределены в два кластера¹. Первый отражает тяготение к условно этатистско-державной модели идеального общественного устройства, в рамках которой государство воспринимается как главный выразитель общественных интересов и в силу этого имеет преимущественное право и приоритет над интересами индивидов и даже при определенных условиях над законом. Второй кластер характеризует установки на либерально-демократическую модель, в которой приоритет имеют права, свободы и интересы человека, а государство по отношению к ним вторично, где верховенствуют закон и демократические процедуры. Выделение двух указанных кластеров позволяет зафиксировать весьма существенные отличия в позициях молодежи 18–24 лет по сравнению с другими возрастными группами. Если среди населения в целом соотношение двух кластеров составило 70:30 в пользу «этатистов-державников», то среди молодежи 18–24 лет доли тяготеющих к «этатистам-державникам» или «либерал-демократам» оказались практически одинаковыми (51:49).

Среди молодежи 18–24 лет, тяготеющей к либерально-демократической модели, «градус перемен», как свидетельствуют данные, наиболее высок (хотя и характерен для меньшинства): если среди населения в целом за перемены выступают 38%, в кластере «либерал-демократов» по населению в целом 44%, то среди молодежи 18–24 лет в кластере «либерал-демократов» – 48%. Однако эти установки не несут в себе «революционного заряда», более того, тяготеющая к либерально-демократической модели молодежь 18–24 лет заметно более лояльна к действующей власти, нежели сторонники этой модели среди населения в целом. Так, Президенту РФ доверяют 68% молодежи 18–24 лет из либерально-демократического кластера (при 57% в аналогичном кластере по населению в целом и 78% по всей выборке), Правительству – 57% (при 45% и 61%, соответственно).

Россияне, тяготеющие к либерально-демократической нормативной модели отношений «человек – общество – государство», в том числе и прежде всего молодежь 18–24 лет, также чаще, чем этатисты-державники, демонстрируют установки на активную позицию в защите человеком собственных прав и интересов. Данные исследования 2023 г. свидетельствуют, что среди населения в целом сторонники этатистско-державной модели устройства общества делятся практически поровну на тех, кто считает важным активно бороться за свои права и интересы, и тех, кто предпочитает приспособливаться к реальности, тогда как сторонники либерально-демократической модели заметно чаще склоняются к активной защите своих прав и свобод (59%). В молодежном же кластере «либерал-демократов» этот показатель достигает 72% (рис. 6).

Однако, будучи объединены идеей защиты своих прав и свобод, россияне 18–24 лет в своем большинстве далеки от мысли действовать сообща: 54% сторонников либерально-демократической модели и уверенное большинство (63%) молодых сторонников этатистско-державной модели полагают, что для того, чтобы добиться чего-либо существенного, следует рассчитывать только на себя. Обратим внимание, что коллективные действия

¹ Использовался метод двухэтапного кластерного анализа.

слабее всего вписаны в картину мира 18–24-летних россиян, тяготеющих к модели отношений «человек – общество – государство», где именно государству отводится главная роль как выразителю общественных интересов, делегируется преимущественное право и приоритет над интересами индивидов. В отличие от молодежи, каждый второй «этатист-державник» по населению в целом беспрепятственно соединяет в своих представлениях о мире приоритет государства и коллективные действия граждан (рис. 7).

Рис. 6. Выбор в паре альтернативных суждений о важности активной борьбы за свои права или умения приспособливаться к реальности – в кластерах сторонников либерально-демократической и этатистско-державной моделей общественного устройства, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %

Figure 6. Choice between a pair of alternative judgments on the importance of actively fighting for one's rights or the ability to adapt to reality – in clusters of supporters of liberal-democratic and statist-state models of societal structure, IS FCTAS RAS, 2023, %

Рис. 7. Выбор в паре альтернативных суждений о коллективных или индивидуальных действиях по достижению целей – в кластерах сторонников либерально-демократической и этатистско-державной моделей общественного устройства, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %

Figure 7. Choice between a pair of alternative judgments on collective or individual actions to achieve goals – in clusters of supporters of liberal-democratic and statist-state models of societal structure, IS FCTAS RAS, 2023, %

Декларируемые большинством молодежи 18–24 лет установки на индивидуальные стратегии действия вписаны в более широкий тренд, который наблюдается в обществе уже не первое десятилетие – на распространение индивидуалистических ценностей и норм, усиление значимости ценностей личного успеха и снижение значимости ценностей, связанных с ориентацией на взаимопомощь, дрейф от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным [9; 15]. Исследования ФНИСЦ РАН позволяют проследить динамику установок молодежи и населения в целом в отношении к вопросу о том, как соотносятся в их представлении личные интересы и интересы общества. В ходе опросов 2014–2023 г. респондентам предлагалась пара альтернативных суждений: «Людьми следует ограничивать свои личные интересы ради интересов общества» и «Личные интересы – это главное для человека». Наши наблюдения отражают развитие указанного выше тренда опережающими темпами именно среди молодежи в период 2014–2018 гг. и всплеск ее внимания к личным интересам в 2022–2023 г. (рис. 8). Динамика показателей подтверждает усиление приоритета личных интересов в 2014–2018 гг., когда доля считающих главным в жизни человека именно личные интересы выросла с 56% до 68% среди населения в целом и с 58% до 77% среди молодежи 18–24 лет. Начиная с 2018 г. вектор динамики показателей среди населения в целом изменился, доля россиян, отдающих приоритет личным интересам, стала сначала незначительно снижаться (на 5–6 п.п.), а в 2022–2023 г. резко опустилась до самого низкого за весь период наблюдения значения в 55%. Соответственно, доля тех, для кого важнее интересы страны и общества, впервые поднялась до отметки в 45%.

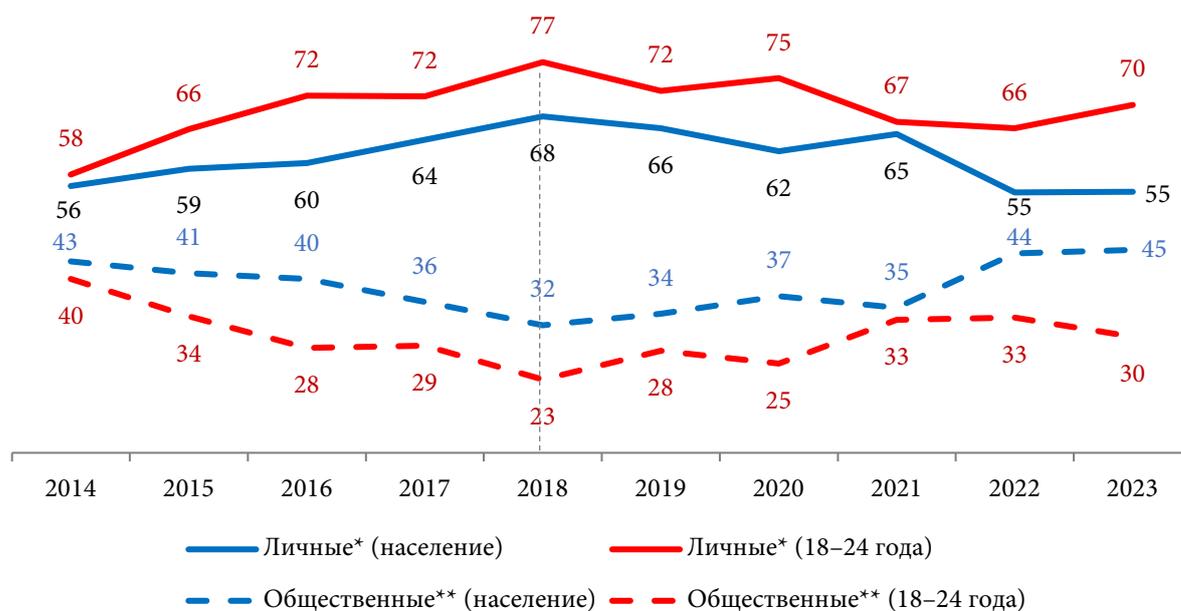

Рис. 8. Динамика установок на приоритет личных или общественных интересов среди молодежи 18–24 лет и населения в целом, ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %

Figure 8. Dynamics of attitudes prioritising personal or public interests among youth aged 18–24 and the population in general, IS FCTAS RAS, 2014–2023, %

Примечания. *Полная формулировка: «Личные интересы – это главное для человека»

**Полная формулировка: «Люди должны ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества».

А вот среди молодежи 18–24 лет доля выступающих за приоритет личных интересов в 2023 г., напротив, выросла до 70%. На фоне длинного ряда данных это далеко не самый высокий показатель, но впервые разница в позициях молодежи столь заметно отличается от позиции населения в целом (15 п.п.). Можно предположить, что происходящие в стране и мире события вызвали у части молодежи защитную реакцию в виде фокусировки на «Я-пространстве», «маленьком мире», ближнем круге.

Также эти данные (вкуче с повышенными по сравнению с населением в целом установками на сближение России с Западом) ставят вопрос о специфике гражданской идентичности и понимания патриотизма среди молодежи 18–24 лет. В этом смысле важнейшей стороной мировоззрения молодежи и россиян в целом является отношение к вопросу о том, должен ли человек жить в той стране, где ему больше нравится, или же важно исходить из принципа, что Родина у человека одна, и покидать ее нехорошо. Особенно этот вопрос актуализируется на фоне «отмены России» со стороны зарубежных стран и контртренда на отмену тех, кто покинул страну – уже со стороны России. Общество сегодня расколото практически пополам – 52% осуждают космополитизм, и 47% не видят ничего плохого в том, чтобы человек жил там, где ему нравится. Для большинства же молодежи 18–24 лет важной является возможность для человека жить в той стране, где ему больше нравится: так думали в 2023 г. 77% представителей группы 18–24-летних россиян, а среди тех из них, кто отдает приоритет личным интересам, этот показатель доходит до 88% (рис. 9). Причем, данная позиция среди молодежи усиливается, с 2014 г. по 2023 г. прирост показателя составил 14 п.п. среди всех 18–24-летних и 21 п.п. среди отдающих приоритет личным интересам человека – при том, что среди населения в целом выраженной динамики показателей не выявлено.

Рис. 9. Динамика выбора в паре альтернативных суждений о том, должен ли человек жить там, где ему нравится, или только на Родине, среди населения в целом и молодежи 18–24 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %

Figure 9. Dynamics of choice in a pair of alternative judgments on whether a person should live where they like or only in their homeland, among the population in general and youth aged 18–24, IS FCTAS RAS, 2014–2023, %

Примечание. *Полная формулировка: «Личные интересы – это главное для человека».

Важным показателем умонастроений молодежи 18–24 лет является и переосмысление цивилизационной модели, на которую страна должна ориентироваться в своем развитии. Следовать ли России той модели устройства, которая есть сегодня в современных западных странах, или ей необходимо развивать свой собственный цивилизационный концепт, идти особым путем? В этом ключевом мировоззренческом вопросе большинство россиян (78%) выбирают сегодня цивилизационный суверенитет России, считая, что «Россия – это особая цивилизация, и что в ней никогда не привется западный образ жизни» (рис. 10). Однако значительным является и прозападное меньшинство (22%), считающее, что «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны». Идущие сегодня процессы в стране и мире, триггером для которых стала СВО, усилили установки на восприятие России как особой цивилизации, чуждой западному образу жизни и мысли – сегодня в среднем по населению доля тех, кто придерживается этого мнения, по сравнению с 2021 г., выросла с 65% до 77%. Прозападное меньшинство за этот же период потеряло около трети своих сторонников (снижение поддержки с 35% до 23%). При этом нынешний баланс оценок обществом возможного прозападного или суверенного векторов развития страны близок к тому, что наблюдался сразу после присоединения Крыма – тогда доля сторонников самобытного пути развития России составляла 75%, а прозападное меньшинство было на уровне 25%. Важно отметить, что несмотря на динамику показателей, на протяжении всего периода наблюдений уверенное большинство населения в целом поддерживало идею развития России как особой цивилизации, в которой никогда не привется западный образ жизни.

Рис. 10. Динамика установок на западную или особую российскую цивилизационную модель среди населения в целом и молодежи 18–24 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %

Figure 10. Dynamics of attitudes towards a Western or a distinct Russian civilisational model among the population in general and youth aged 18–24, IS FCTAS RAS, 2014–2023, %

Среди молодежи 18–24 лет позиции в отношении обозначенной цивилизационной развилки далеко не столь консолидированы и имеют важные отличия. Во-первых, доля тех, кто выступает за то, чтобы Россия шла прозападным путем, в каждый период не просто была выше соответствующего показателя по населению в целом, но достигала среди молодежи большинства (54–62% в 2019–2021 гг.). Во-вторых, если среди населения в целом доля сторонников прозападного вектора после начала СВО на Украине и обострения отношений с Западом стала минимальной за все время наблюдений, то среди молодежи 18–24 лет, несмотря на спад прозападного вектора, доля его сторонников по-прежнему весьма существенна (42%).

И хотя уверенное большинство (58%) 18–24-летних пришли к убеждению, что Россия является особой цивилизацией, где не привьется западный образ жизни, тем не менее прозападные настроения значительной части молодежи 18–24 лет остаются важным маркером общественных настроений.

Своеобразной «точкой сборки» специфики в динамике умонастроений молодежи 18–24 лет является вопрос о том, насколько перспективен путь, по которому сегодня идет Россия. В настоящее время уверенное большинство россиян (74%) считают, что путь, по которому идет Россия, даст в перспективе положительные результаты, и только 26% полагают, что он ведет в тупик (рис. 11). Такое распределение мнений характеризует второе в истории наблюдений пиковое значение поддержки выбранного вектора развития страны. Первый пик пришелся на 2014 г. – опрос проводился в октябре, через полгода после присоединения Крыма к России. Тогда мнение о том, что Россия идет правильным путем, разделяло подавляющее большинство россиян (75%). Критичность же в отношении вектора развития страны достигала высоких значений в период с 2018 по 2021 гг. Пиковое значение доли россиян, заявлявших, что путь, по которому идет Россия, ведет в тупик (47%), было зафиксировано в 2020 г. – в разгар пандемийного кризиса.

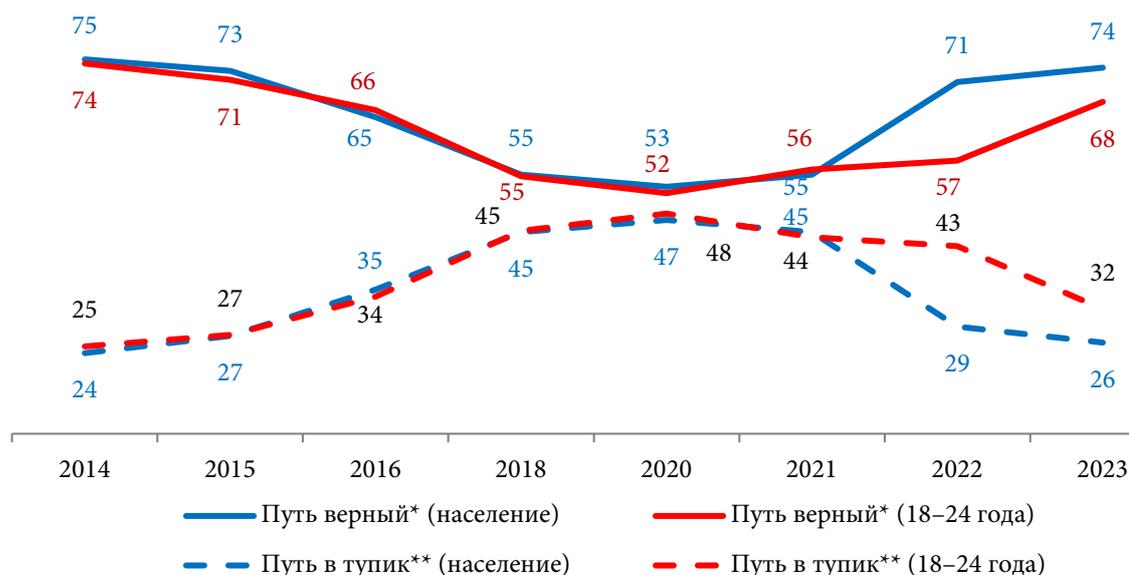

Рис. 11. Динамика оценок пути, которым следует сегодня Россия, среди населения в целом и молодежи 18–24 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2014–2023 гг., %

Figure 11. Dynamics of assessments of the path that Russia takes today among the population in general and youth aged 18–24, IS FCTAS RAS, 2014–2023, %

Примечания. *Полная формулировка: «Путь, по которому идет сейчас Россия, даст в перспективе положительные результаты».

**Полная формулировка: «Путь, по которому идет сейчас Россия, ведет страну в тупик».

На протяжении наблюдений с 2014 г. до 2021 г. позиции молодежи 18–24 лет в отношении вопроса о верности того пути, которым развивается Россия, полностью совпадали с мнением населения в целом – это единственный, уникальный в своем роде показатель, демонстрирующий столь полное и длительное совпадение оценок молодежи и других групп населения. Идентичность динамики трансформации установок по этому ключевому вопросу нарушилась в 2022 г., когда оценки ситуации со стороны молодежи впервые не просто отклонились от оценок населения в целом, но отклонились весьма существенно (на 14 п.п.) – молодежь поначалу совсем не подхватила общий тренд позитивного восприятия вектора развития страны. К 2023 г. этот разрыв был в значительной степени преодолен (он сократился с 14 до 6 п.п.).

Подводя итоги анализа, можно констатировать, что новый этап общественных трансформаций в России, стартовавший в феврале 2022 г. с началом СВО на Украине, стал серьезнейшим вызовом для российского общества в целом, но особенно чувствительным к нему оказалась молодежь 18–24 лет. Основной вектор событий, связанный с резким усилением конфронтации России и Запада, вошел в противоречие с мировоззренческими представлениями молодежи, значительная часть которой ориентирована на сближение России с Западом, либерально-демократические основы государственного устройства, возможность строить жизненные стратегии в трансграничной среде. События 2022 г., очевидно, были восприняты как угроза этим установкам и вызвали ответную реакцию молодежи в виде фокусировки, с одной стороны, на приоритетной ценности личных интересов человека по отношению к ценностям страны и общества, а с другой стороны – в виде роста критики того пути, которому сегодня следует Россия. Однако, судя по данным исследования 2023 г., точка возможной бифуркации в умонастроениях молодежи скорее пройдена, наметившийся отрыв установок 18–24-летних россиян от общего вектора динамики настроений в обществе в целом понемногу стал сокращаться (хотя и не вернулся пока к условной норме предыдущих лет), о радикализации настроений молодежи речи не идет, установки на перемены находятся в самой низкой своей точке, уровень доверия к ключевым представителям власти на уровне или ниже соответствующих показателей по населению в целом. Скорее, можно говорить о более сложных процессах адаптации молодежи 18–24 лет к сложившейся ситуации, поиска ею компромиссов между ранее воспринятыми установками и меняющейся реальностью. Кроме того, характер динамики различных показателей «мировоззренческого барометра» молодежи в 2022–2023 гг. подтверждает наблюдение, сделанное в самом начале нашего анализа, что в отличие от других сфер жизни, где молодежь по праву можно считать «законодателем моды», в отношении фундаментальных социальных изменений она скорее следует трендам, заданным другими социальными группами, нежели сама их задает.

Библиографический список

1. Андреев А. Л., Петухов В. В. Россия и окружающий мир. Как меняется отношение россиян к парадигме «Европа – Азия» // Свободная мысль. 2015. № 3. С. 107–118. EDN: UJZENX.
2. Аникин В. А. Кризис и национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 203–232. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.12; EDN: YFOSSP.
3. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с. EDN RYGBAA.
4. Данилова Е., Тарарухина М. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофштеда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 3. С. 53–64. EDN: HTNEPV.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011. 464 с.
6. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36. EDN: LSRIZP.
7. Латова Н. В. Производственная культура рабочих современной России как элемент их человеческого капитала (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Мир России, 2017. Т. 26. № 3. С. 36–63. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-36-63; EDN: YZIDDV.
8. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Культура как фактор общественного прогресса. М.: Юстицинформ, 2009. 408 с.
9. Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 5–22. EDN: LMBRBH.
10. Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621; EDN: QWSVAC.
11. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Наука, 2005. 396 с.
12. Российское общество и вызовы времени. Кн. 6 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. 276 с.
13. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа). Статья 2 // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 5–20. EDN: IPVFXH.
14. Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995–2010 годы // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 5–19. EDN: NXPUCV.

15. Тихонова Н. Е. Особенности российских модернистов и перспективы культурной динамики России. Статья 1 // *Общественные науки и современность*. 2012. № 2. С. 38–52. EDN: OXMERT.

16. Bühler Ch. *Das Seelenleben des Jugendlichen*. 2. erweiterte und völlig veränderte Aufl. Jena: G. Fischer, 1923. 210 s.

Получено редакцией: 16.09.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Седова Наталья Николаевна, старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10

Features of Transformation of Worldview Attitudes Among Russian Youth in the Context of Geopolitical Conflict

Natalia N. Sedova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nnsedova@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-8492-7847

For citation: Sedova N. N. Features of Transformation of Worldview Attitudes among Russian Youth in the Context of Geopolitical Conflict. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 176–198. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10; EDN: XQEVZG.

Abstract. Drawing from nationwide surveys conducted between 2006 and 2023, this study illustrates the specific transformation of worldview attitudes among Russian youth aged 18–24 compared to the general population. This transformation occurs within the context of the global confrontation between Russia and the collective West. The analysis focuses on the clash between two ideological positions: advocates for a Western-oriented path of development for Russia and proponents of civilisational sovereignty, advocating for a unique developmental path for the country. The examination revolves around three groups of indicators:

1. Perceptions of the country's development path and its position in the world (indicators: perceptions of the necessity and priorities of changes within the country; ideas about Russia's place in the world; assessment of the path Russia is following).

2. Views on societal structure (ideas about an ideal model for human-state-society relations; desired image of the future Russia).

3. Life values and attitudes (prioritisation of individual interests versus societal interests; perspectives on actions required to achieve personal goals).

The conclusion drawn is that the new phase of societal transformations in Russia, beginning with the onset of special military operations in Ukraine in February 2022, presented a significant challenge to Russian society as a whole, particularly impacting the youth aged 18–24. The primary vector of events, marked by heightened confrontation between Russia and the West, conflicted with the worldview perceptions of the youth. A considerable part of the youth was oriented toward a model of country development resembling contemporary Western societies, embracing liberal-democratic principles in state governance, and seeking opportunities to shape life strategies within a transnational environment. However, based on the data from 2023, the potential bifurcation point in the mindsets of the youth has been passed. The emerging divergence in attitudes among 18–24-year-old Russians from the overall trend in societal mood is diminishing. There is a reduced demand for change, reaching its lowest point, and the level of trust in key government representatives is at or below the corresponding indicators for the general population. Instead, there appears to be a shift toward more intricate processes of adaptation among the youth aged 18–24 to the current situation. They seem to be searching for compromises between their previously held attitudes and the changing reality they face.

Keywords: youth, worldview, values, attitudes, norms, interests, Westernisers, Slavophiles, West, confrontation, changes, traditions, demand, future, image of the future, human rights

References

1. Andreev A. L., Petukhov V. V. Russia and the world around. How changes the attitude of Russians towards the Europe – Asia paradigm. *Svobodnaya mysl*, 2015: 3: 107–118 (in Russ.). EDN: UJZENX.
2. Anikin V. A. The crisis and national self-consciousness of Russians. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2016: 5: 203–232 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.12; EDN: YFOSSP.
3. Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and issues. Comp. and ed. by N. I. Lapin. Moscow, Ves' mir, 2016: 360 (in Russ.). EDN: RYGBAA.
4. Danilova E., Tararukhina M. Rossijskaya proizvodstvennaya kul'tura v parametrah G. Hofstede [Russian production culture in the parameters of G. Hofstede]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2003: 3: 53–64 (in Russ.). EDN: HTNEPV.
5. Inglehart R., Wenzel C. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural changes and democracy. The sequence of human development]. Moscow, Novoe iz-vo, 2011: 464 (in Russ.).
6. Lapin N. I. Funkcional'no-orientiruyushchie klasteri bazovyh cennostej naseleniya Rossii i ee regionov [Functional-orienting clusters of the basic values of the population of Russia and its regions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010: 1: 28–36 (in Russ.). EDN: LSRIZP.
7. Latova N. V. The production culture of workers of modern Russia as an element of their human capital (ethnometric analysis based on the concept of G. Hofstede). *Mir Rossii, Sociologiya. Etnologiya*, 2017: 26: 3: 36–63 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-3-36-63; EDN: YZIDDV.
8. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Kul'tura kak faktor obshchestvennogo progressa [Culture as a factor in social progress]. *YUsticinform*, 2009: 408 (in Russ.).
9. Magun V. S., Rudnev M. G. Bazovye cennosti rossiyan v evropejskom kontekste [The basic values of Russians in the European context]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost*, 2010: 3: 5–22 (in Russ.). EDN: LMBRBH.
10. Petukhov V. V. Rossijskaya molodezh' i ee rol' v transformacii obshchestva [Russian youth and its role in the transformation of society]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2020: 3: 119–138 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621; EDN: QWSVAC.
11. Rossijskaya identichnost' v usloviyah transformacii: opyt sociologicheskogo analiza [Russian identity in transformation conditions: experience of sociological analysis]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Nauka, 2005: 396 (in Russ.).
12. Russian society and time challenges. 6th book. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2022: 276 (in Russ.).
13. Tikhonova N. E. Sociokul'turnaya modernizaciya v Rossii (opyt empiricheskogo analiza) Article 2 [Sociocultural modernization in Russia (empirical analysis experience) Stat'ya 2]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost*, 2008: 3: 5–20 (in Russ.). EDN: IPVFXH.
14. Tikhonova N. E. Dinamika normativno-cennostnoj sistemy rossijskogo obshchestva: 1995–2010 gody [The dynamics of the regulatory-value system of Russian society: 1995–2010]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost*, 2011: 4: 5–19 (in Russ.). EDN: NXPUCV.
15. Tikhonova N. E. Osobennosti rossijskih modernistov i perspektivy kul'turnoj dinamiki Rossii. Stat'ya 1 [Features of Russian modernists and prospects for the cultural dynamics of Russia. Article 1]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost*, 2012: 2: 38–52 (in Russ.). EDN: OXMERT.
16. Bühler Ch. Das Seelenleben des Jugendlichen. 2. erweiterte und völlig veränderte Aufl. Jena, G. Fischer, 1923: 210.

The article was submitted on: September 16, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia N. Sedova, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS